

ВРЕМЕНА. ПРАВЫ. ХАРАКТЕРЫ

DOI: 10.31857/S023620070029307-4

©2023 К.В. БАНДУРОВСКИЙ

«ВСПОМНИ, ЧТО ТЫ — ЧЕЛОВЕК»: О СТАНОВЛЕНИИ КАТЕГОРИИ «ЛИЧНОСТЬ» В ТРУДАХ МОССА И БОЭЦИЯ

Бандуровский Константин Владимирович — кандидат философских наук, стипендиат Института русской и советской культуры им. Лотмана. Рурский университет. Германия, 44801 Бохум, Университетская ул., д. 150, кор. ГБ.
ORCID: 0009-0008-4072-3437
albutius@gmail.com

Аннотация. Понятие «личность» представляется нам интуитивно ясным, хотя определить или объяснить, что это, нелегко. Часто данное понятие рассматривается как надкультурная и надисторическая универсалия. Между тем М. Мосс показывает, что в различных культурах понимание того, что представляет собой индивид, сильно отличается от современного. В качестве важного поворота он называет определение, данное Боэцием. Однако вопрос о том, как Боэций пришел к своему определению и почему его понимание личности оказало такое большое влияние на последующую культуру, рассматривали многие исследователи, но к однозначному ответу так и не пришли. В статье делается попытка приблизиться к ответу. Для этого предлагается совместить две перспективы — историко-философскую (анализ идей) и анализ текста. То есть, с одной стороны, показать, как концепция личности порождается в ходе христологических и тринитарных споров. Однако получившаяся концепция кажется довольно абстрактной, логически непоследовательной, и при этом не очень ясно, насколько она применима к пониманию человека. С другой стороны, следует проанализировать тексты Боэция, их коммуникативную и диалогическую направленность на Другого и

на самого себя перед лицом Другого. Именно здесь концепция обретает плоть: Боэций не только излагает концепцию личности, но и показывает, как эта концепция работает.

Ключевые слова: индивид, субъект, личность, тринитарные споры, христологические споры, диалог, субстанция, природа, антропология, теология.

Ссылка для цитирования: Бандуровский К.В. «Вспомни, что ты — человек»: о становлении категории «личность» в трудах Мосса и Боэция // Человек. 2023. Т. 34, № 6. С. 120–141. DOI: 10.31857/S023620070029307-4

К.В. Бандуровский
«Вспомни, что ты — человек»: о становлении категории «личность» в трудах Мосса и Боэция

Современный человек не прилагает особых усилий для того, чтобы считать и осознавать себя личностью. Мы становимся личностью с рождения, получаем личность как гарантированное наследство. То, что человек — личность, является базовой очевидностью нашей культуры. Но любое наследие может оказаться хрупким, если мы не осознаем его происхождение и не делаем усилия по его сохранению. На самом деле личность не всегда была очевидностью. Понимание того, что такое личность, сильно менялось в различные эпохи и в различных культурах, а современное ее понимание возникло в какой-то степени даже случайно, в ходе полемики относительно тринитарной и христологической проблематики. Мы живем в то время, когда такому пониманию угрожает опасность — можно легко утратить этот дар и вернуться в древнюю эпоху сновидений, в которой индивид осознает себя как часть священного животного-первопредка.

Предлагаю совершить своего рода экскурсию в виртуальный антропологический музей и посмотреть, как непросто произошло осознание того, что человек является личностью. В этом нам помогут два «экскурсовода», антрополог и теолог, — Марсель Мосс и Аниций Манлий Северин Боэций. В статье речь пойдет об очень разных текстах — трактатах Боэция «Против Евтихия и Нестория» (512–513) и «Каким образом Троица есть единый Бог, а не три божества» (520–521), а также лекции М. Мосса «Об одной категории человеческого духа: понятие личности, понятие “я”» (1938). Тексты написаны в разное время, с разными целями и относятся к разным дисциплинам — теологии и антропологии. В «музее фактов», куда нас приглашает Мосс, царит мрачная, удручающая атмосфера, как в старом этнографическом музее Троядеро. Трактаты же Боэция проникнуты духом христианского оптимизма. Но объединяет все тексты главная тема каждого из них — становление европейского понимания того, что есть субъект, индивид, личность, «Я».

многие антропологи проявляли большой интерес — например, Л. Морган, создавший на основе исследований пуэбло концепцию первобытного коммунизма [см.: Морган, 1934], или Р. Бенедикт, использовавшая свой полевой материал для создания концепции «паттернов культуры» [см.: Benedict, 1934; 1935].

Кушинг отмечает, что в каждом клане можно найти ряд имен, которые называются «именами детства». Эти имена означают скорее позицию, чем индивида, и определяются социологическими и религиозными обычаями. Они относятся к какому-либо тотему, например к животному, но не в целом, а лишь к какой-либо части тотема, его функции или атрибуту [Мосс, 2011: 330]. То есть ребенок будет считаться лапой, или хвостом, или еще какой-либо частью тела тотемного животного, а не его «образом и подобием». Получается, что индивид не является неким целым существом, не отождествляется с неким целым, а является частью некоторого организма, племени, которая вполне определенным образом локализована в социуме и выполняет вполне определенные функции.

Это не исключительно архаический обычай. Расчленение животного как социальное действие, подтверждающее иерархию, практиковалось и практикуется до сих пор в некотором редуцированном виде. Вспомним, как герой древней саги Тристрам тщательно разделяет тушу оленя, отсылая самые ценные части королю, из чего становится ясно, что он не сын торговца, за которого себя выдает, а весьма знатный человек, хорошо разбирающийся в устройстве властной иерархии:

«Тристрам пошел в лес и срубил самый длинный сук, какой только сумел найти, такой, чтобы его можно было нести одной рукой. Он привязал к нему ветку, на которую были нанизаны самые лакомые куски, отрезанные им от оленьей туши, насадил на конец шеста оленью голову и обратился к охотникам:

— Господа! — сказал он, — возьмите его — ибо это и есть королевский шест, и вручите эту голову с подобающими почестями королю. Пусть ваши слуги скачут впереди и трубят в охотничьи рога. Это называется королевской долей... не было обычая прекраснее и благороднее, чем тот, которому Тристрам научился в своей стране» [Сага, 1976: 222].

Такое соотнесение частей животных с социальным статусом тесно связано с другими способами социальной стратификации — например, по сторонам света: «...эти части, или функции, или же атрибуты частей или функций также делятся на шесть разрядов, так что имя, относящееся к одному члену тотема, например правая передняя или задняя нога этого животного, будет соответствовать северу и будет первым по чести в клане (который сам по себе не принадлежит к северной группе). Имя, относящееся к другому

К.В. Бандуровский
«Вспомни, что ты — человек»: о становлении категории «личность» в трудах Мосса и Боэция

они [первочеловеки] прибыли сверху, постольку отсюда возникло имя Приходящий Сверху, а поскольку они прибыли как духи, у нас есть имя Дух-человек. Когда они прибыли, шел моросящий дождь, и отсюда имена Гуляющий-в-Тумане, Приходящий-в-Тумане, Моросящий Дождь. Говорят, что, когда они прибыли к Внутреннему озеру, они приземлились на маленький куст, и отсюда имя Сгибающий Куст, а так как они опустились на дуб, существует имя Дуб. Поскольку наши предки прибыли с гром-птицами и поскольку существуют животные, вызывающие гром, у нас есть имя Тот, кто Родит Гром. Подобно этому у нас есть Ступающий Мощной Походкой, Разрушающий Землю своей Силой, Идущий с Ветром и Градом, Сверкающий во все Стороны, Единственная Вспышка Молнии, Вспышка Молнии, Шагающий среди Туч, Тот, у кого Длинные Крылья, Ударяющий по Дереву. Гром-птицы прилетают со страшными раскатами грома. Все на земле — животных, растения, все затопляет ливень. Страшные удары грома раздаются повсюду. Из всего этого произошло имя, и это мое имя — Грохочущий Гром» [цит. по: Мосс, 2011: 337]. Таким образом, сам рассказчик оказывается включен в ту историю, которую рассказывает².

В такого рода обществах индивид является не персоной, а персонажем, играющим определенную роль, вроде «пенсионеров-тюленей» в племени квакиютль [там же: 339]. Подобных персонажей можно обнаружить и в современном обществе. Меня поразило, когда я, гуляя по Измайловскому парку, встретил таких «пенсионеров-тюленей», людей, которые родились в 1950-х годах, выросли в эпоху хрущевской оттепели, но тем не менее абсолютно точно так же одетых, как пенсионеры за 10–30 лет до них, как будто бы они из антресоли достали «набор пенсионера»: очки в роговой оправе, фетровые боты, гармошку, тетрадку с песнями — и там совсем не Карлос Сантана или американский Weather Report.

Следующая, совсем небольшая, но важная комната «музея фактов» посвящена древнему Китаю и Индии, брахманизму и буддизму. В этих культурах вырабатывается некоторое понятие «Я», которое уже близкó нашему пониманию как самосознания, индивидуально-го сознания. Выработка «Я» — ахамкара («ахам» — однокоренное

К.В. Бандуровский
«Вспомни, что ты — человек»: о становлении категории «личность» в трудах Мосса и Боэция

² У П. Радина есть также работа «Примитивный человек как философ», в которой он показывает, что и в архаических обществах отдельные индивиды могли не только исполнять социальные роли, но и самостоятельно мыслить, быть философами. Однако в социуме их способности оценивались не очень высоко, и их в лучшем случае считали маргиналами, а в худшем — изгоняли. Институты, которые бы поддерживали развитие личности, не возникали [Radin, 1927].

У женщин все было еще проще. Их личным именем являлось родовое имя отца. Например, у Туллия Цицерона дочь получила имя Туллия, и, поскольку у Цицерона могла быть не одна дочь, к этому имени прибавлялось «старшая» и «младшая», а следующая была бы Туллией Третьей и т.д.

Такая социальная определенность имен сравнивается с практикой посмертных масок. Персоной называли также маску покойного предка, отлитую из воска, которая хранилась в алтаре ларов. Полибий свидетельствует, что эти восковые маски использовались во время похорон. Когда некий человек умирал, из шкафов доставались маски, их надевали на людей, походящих по внешнему виду на покойного; им также давали одежду, которая соответствовала положению, занимаемому изображаемым лицом. В таком виде люди в масках предков сопровождали похоронную процессию, а когда та достигала форума, они рассаживались вокруг покойного в креслах из слоновой кости, после чего сын или другой родственник умершего произносил траурную речь, восхваляя покойного и его предков [Полибий, 2005: 36].

Шаг от персоны к личности дается совсем не просто. Согласно легенде о консуле Бруте, его сыновья состояли в заговоре против царя, за что их приговорили к казни. Брут участвовал в суде над своими сыновьями, а когда их тела принесли домой, он сохранял каменное лицо. Подобное поведение удивляло современников Брута. Стоики, которые внесли немалый вклад в развитие понятия личности, восхваляли его как настоящего стоика [Мосс, 2011: 343]. Раньше было распространено право отца убивать своих детей; инфантицид не считался чем-то особо шокирующим или заслуживающим осуждения. Ведь сын еще не считался личностью, он не мог стать персоной, пока его предки не умерли, потому что вакансия персоны в этом роду еще не освободилась. Если бы Брут действовал так, как было принято сотню лет назад, его спокойствие никого бы не удивило. Но в то время сыновья воспринимались как уникальные индивиды, смерть которых следует оплакивать.

Следующий шаг связывался с моралистами, в первую очередь стоиками, которые к юридическому значению слова «персона» добавляют моральное, то есть имеется в виду существо сознательное, независимое, автономное, свободное и ответственное. К функциям, почету, обязанностям и правам прибавляется сознательная моральная личность. Появляется особое понятие $\Sigma\nu\nu\epsilon\acute{\iota}\delta\eta\sigma\iota\varsigma$ (*suneidesis*), которое соответствует лат. *conscience* (совесть) и изначально означает «соучастник», то есть тот, кто осознает что-то вместе с «нами», свидетель, в данном случае свидетель «моих же» собственных поступков, который помогает «мне»

К.В. Бандуровский
«Вспомни, что ты — человек»: о становлении категории «личность» в трудах Мосса и Боэция

Боэций даже в какой-то степени оправдывает Нестория и Евтихия. Он пытается разобраться, почему они допустили ошибку, — во все не потому, что дьявол им нашептал, а потому, что были сбиты с толку трудностями понимания соотношения личности и природы.

В чем, собственно, суть дела, нелегко разобраться, и старые споры до сих пор не утихают. Даже историки церкви еще не дали общепризнанной оценки учениям Евтихия и Нестория. Эти споры представляют собой гигантский «клубок неразрешимостей» (*indissolubilis nodus* — слова самого Боэция), в котором с христологией переплетаются политические проблемы, спортивные страсти (ипподром был важным институтом в Византии), борьба за власть, личные амбиции, неумение и нежелание слушать оппонентов. Не претендуя на какие-то конченные выводы и оценки, я хотел бы показать сложность этих дискуссий в восточной церкви для того, чтобы противопоставить им подход Боэция. Находясь в западной части бывшей Римской империи, он уже изначально был отстранен от этих политических баталий, ангажированности, принадлежности к той или иной партии. Поэтому ему было легче найти некоторую позицию над схваткой и попытаться подойти к проблеме рационально.

Несторий (после 381 – ок. 451) был архиепископом Константинопольским. Он вынес на передний край сражений проблему соотношения природы и ипостаси в Иисусе Христе. Но что же такое природа? Чем отличается природа от ипостаси? Эта проблема еще усложняется тем, что в греческом языке есть два слова, которые близки по значению, — *ὑπόστασις* (ипостась) и *πρόσωπον* (лицо). И то и другое можно использовать для обозначения личности, но между ними есть определенное различие. И когда слово *πρόσωπον* употребляется по отношению к Иисусу Христу, то имеется ли в виду то же самое, что и *ὑπόστασις* (и тогда мы получаем ортодоксальную формулировку), или же это то же, что и природа (и тогда получается ересь)? В дополнение к сказанному следует отметить, что Несторий был родом из Сирии, а в сирийском языке есть слово «кнома», употребляемое сирийскими богословами. Является ли оно эквивалентом *ὑπόστασις*, *πρόσωπον* или, напротив, природы? Несторий утверждал, что у Христа — две «кномы» и если имеется в виду природа, то в таком случае здесь никакой ереси нет. Для Нестория было важно решить, как мыслить Иисуса Христа так, чтобы не было поглощения природы божественной природой человеческой, не было их слияния, но было их удерживающее единение, соприкосновение в одном лице. Это сложный

К.В. Бандуровский
«Вспомни, что ты — человек»: о становлении категории «личность» в трудах Мосса и Боэция

настоятелем монастыря в Константинополе. Евтихий участвовал в Эфесском соборе и вместе со своим другом Евсевием боролся против несторианства, но при этом утверждал, опираясь на слова св. Кирилла, единство природы Христа. Но после того как победа над Несторием была одержана (хотя несторианство продолжало успешно распространяться на Восток вплоть до Китая), у Евтихия начался конфликт с Евсевием — вдруг обнаружилось, что у них позиции тоже несколько расходятся. На последующих соборах осуждалась уже позиция Евтихия. Сначала на Константинопольском поместном соборе он был низложен, потом на Ефесском соборе восстановлен (этот собор называли «разбойничьим») и наконец на Халкидонском соборе 451 года окончательно низложен.

В противовес всему вышеозначенному запутанному клубку мнений и интересов Боэций подходит к проблеме как логик. Он просто перебирает варианты: логически возможны четыре типа соотношения природы и личности в Христе. Это очень интересно с той точки зрения, что потом часто ереси продуцировали как в принципе теоретически возможные позиции. Например, у Иоанна Дамаскина описываются 103 ереси [Иоанн Дамаскин, 1913]. То есть сила тяжести у Боэция все-таки перенесена на логические варианты, а не на личность Нестория или Евтихия. Первая позиция: существуют две природы и два лица, по Несторию. Вторая позиция: одно лицо и одна природа, как полагает Евтихий. Третья: две природы и одно лицо, согласно католической вере. Но возможна также четвертая позиция, потенциальная ересь: одна природа и два лица. Впрочем, до сих пор еще ни один еретик не защищал эту позицию. Но на всякий случай можно ее иметь в виду.

Боэций прежде всего определяет четыре главных смысла слова «природа», из которых далеко не все подходят, когда мы говорим о человеческой или божественной природе. Из них наиболее приемлем смысл «природа есть видовое отличие, сообщающее форму (*informans*) всякой вещи», ведь, говоря «природы», мы (в том числе и несториане) имеем в виду, что у природы божественной и природы человеческой разные видовые отличия [Боэций, 1990в: 169–170].

Определить, что такое личность, невероятно трудно, поэтому ошибки Нестория и Евтихия вполне объяснимы. Прежде всего, личность должна быть чем-то. Должна существовать какая-либо природа. Если что-то не имеет природы, то в таком случае не может быть и личности. Но не всякая природа может быть подлежащим личности. Боэций движется по Древу Порфирия, которое он описывает в своих «Комментариях к Порфирию». Получается определение через негацию: Боэций последовательно отбрасывает то, что не является личностью, надеясь получить личность в остатке.

К.В. Бандуровский
«Вспомни, что ты — человек»: о становлении категории «личность» в трудах Мосса и Боэция

споры — например, велись споры с арианами, распространявшими различия не только на личности, но и на природу и «разрывающими» Троицу.

В человеческих индивидах природа умножается благодаря различию акциденций и различию места, которое занимает каждый человек, так что не может оказаться двух человек в одном месте. Но в Боге нет никаких различий, а значит нет множественности. Каким же образом различаются три Лица? Не являются ли они тремя аспектами, аватарами или личинами, иллюзорными образами, которые с легкостью принимают языческие боги? Как сохранить существенное различие Лиц, объединенных одной и единой природой? Для того чтобы решить эти парадоксы, Боэций проводит ревизию аристотелевского инструментария, изложенного «Категориях», где выделяются субстанция и девять акциденций. Но среди девяти акциденций есть одна, выбивающаяся из общего ряда, — отношение. Если все остальные акциденции являются предикатами данной субстанции, то отношение не может быть присуще ей, как бывает присуща, например, белизна. Человек не может получить предикат отца или господина сам по себе, для этого необходимо наличие другого субъекта, с которым он мог бы образовать какие-либо отношения [Боэций, 1990г: 155]. Отношение — это то, чем мы не можем обладать сами, но то, чем нас одаривает другой, причем мы в свою очередь также одариваем его.

Удивительно, что Боэций как бы возвращается к концепции, описанной Моссом, но на совершенно другом уровне. Индивид в архаике также определяется через отношения, но отношения социальные, предписанные, диктующие индивиду, что ему думать, переживать и делать. Отношения, о которых пишет Боэций, совсем другого рода, мыслимые через отношения Лиц в Троице.

В случае человеческих отношений мы часто сталкиваемся с асимметрией — скажем, господин и раб, родитель и ребенок. Поскольку же ни одно из Лиц Троицы не может быть выше или ниже другого, их отношения являются отношениями не субординации, а координации. Таким образом, Боэций обнаруживает то свойство, которое является позитивной основой личности, — отношение, причем в пределе равного к равному. Личность — это то, что в своей высшей степени присуще божественным Лицам, но, обращаясь к Богу, человек может вступить в некоторое отношение, его возвышающее.

Концепция личности, как она изложена в трактатах Боэция «Против Евтихия и Нестория» и «Каким образом Троица есть единый Бог, а не три божества», представляется довольно схематичной и уязвимой для критики. В качестве примера такой критики можно привести статью Э. Арлига «Метафизика индивидов

К.В. Бандуровский
«Вспомни, что ты — человек»: о становлении категории «личность» в трудах Мосса и Боэция

этого жанра совсем не случаен. Главный труд Боэция, «Утешение Философией», является диалогом в прямом смысле этого слова, но и «Теологические сочинения», собственно, представляют собой послания, обращенные к близким Боэцию людям. И благодаря этому Боэций может как бы проигрывать перед нами, демонстрировать свою концепцию личности.

В «Утешении Философией» Боэций-персонаж показан в крайне удрученном состоянии, которое, казалось бы, вызвано несправедливым приговором, заточением и ожиданием казни. Но Философия в диалоге с Боэцием определяет настоящую причину его болезни, летаргии (это слово буквально означает «забвение») — Боэций забыл сам себя, утратил свое «Я». И задача Философии вернуть Боэция самому себе. Художественная форма этого сочинения — не просто оболочка, в которой подаются некие идеи и аргументы, а изображение того, как в процессе общения восстанавливается и поддерживается личность.

Философия задает простой вопрос: «Помнишь ли ты о том, что ты — человек? — Как же, — отвечаю, — мне этого не помнить? — Можешь ли ты определить, что есть человек? — Так ты спрашиваешь, знаю ли я, что представляю собой разумное смертное существо. Знаю и признаю, что я именно таков. — Тогда она сказала: Не знаешь ли ты еще чего-нибудь относительно своей сущности? — Нет, больше ничего. — Теперь мне понятна другая, или, точнее сказать, главная причина твоей болезни. Ты забыл, что есть сам» [Боэций, 1990: 203].

Ответ Боэция основан на той же логике дихотомии, которая используется в трактате «Против Евтихия и Нестория», на Древе Порфирия, описанном в «Комментарии к Порфирию» [см.: Боэций, 1990б]. Но как осуществить логический переход от «разумного смертного существа», универсальной сущности человека, к субъектам, отдельным личностям вроде Платона или Цицерона? Здесь логика и вообще *scientia* (лат. наука) перестают работать, ведь, согласно Аристотелю, не может быть науки о единичном. Но здесь Философия, которая может то увеличивать свой рост, уходя головой в облака науки, то уменьшаться, становясь ростом с человека (и тогда Боэций узнает в ней близкую личность, кормилицу), обращается к Боэцию как к конкретной личности, помогая вспомнить себя.

«Теологические сочинения», в основе которых лежит определенный ход аргументации с четким планом, выдвижением гипотезы, доказательствами и выводами, сопровождаются обращениями к близким Боэцию людям, но эти обращения редко становятся предметом анализа, а тем более неотъемлемым элементом именно философского размышления. Чаще их рассматривают как некую

К.В. Бандуровский
«Вспомни, что ты — человек»: о становлении категории «личность» в трудах Мосса и Боэция

процесса размышления говорит совершенно об ином: Боэций размышляет не по пунктам, а обо всем, не последовательно, а останавливаясь и возвращаясь назад. В его понимании, истина не является гарантированным результатом научного поиска, а открывается, как врата, размышление не беспристрастно, а глубоко эмоционально: «...я размышлял про себя обо всех этих вопросах, причем не проглатывал сразу то, что услышал, но как бы пережевывал жвачку, то и дело возвращаясь мыслью назад. И вот стучащему уму отворились двери, и найденная истина подняла перед искавшим ее все туманные завесы евтихнаиского заблуждения. И тут охватило меня великое изумление...» [там же: 168].

Завершается посвящение обращением «к тебе, кому предстоит первым оценить этот мой набросок, — я посылаю его тебе на суд» [там же]. Весь текст Боэция — большая реплика в диалоге (поскольку таково требование письма; при личном обсуждении реплики были бы короче), которая требует отклика: «Если ты решишь, что все в нем сказано правильно, то присоедини и его, пожалуйста, к тем моим сочинениям, которые у тебя хранятся. Если же в нем нужно что-нибудь сократить или, наоборот, добавить, или внести какие-либо изменения, то, прошу, пришли его непременно назад, чтобы я мог перенести твои поправки в другие мои экземпляры. Только когда с этим будет покончено, я передам его на рассмотрение тому, на чье суждение во всем обычно полагаюсь» [там же]. Даже отклик Иоанна не рассматривается как последняя инстанция, Боэций предполагает продолжить разговор с тем, на чье суждение он всегда полагается, — по-видимому, с Симмахом, его приемным отцом (Боэций потерял отца в раннем детстве) и тестем.

В посвящении, данном в трактате «О Троице», мы обнаруживаем сходные мотивы — представление текста на суд Другого, взволнованное ожидание отклика адресата, его строгого (но и снисходительного) суждения, авторитетного приговора. Также Боэций более подробно описывает методику изыскания: есть слабый человеческий разум и огонек, воспринимаемый как светоносный дар Бога, поэтому требуется употребить все силы в течение очень долгого времени, чтобы случилось проникновение (intuitus) в суть столь возвышенных вещей. В этом Боэцию помогают предшественники вроде Августина, создавшие сокровенные учения. Лишь потом Боэций снабжает свои интуиции аргументами, которые излагает последовательно на бумаге. При этом он не претендует на окончательный вывод — вполне довольно хоть какого-то продвижения, при понимании принципиальной ограниченности наших возможностей познания и уповании на божественную помощь.

К.В. Бандуровский
«Вспомни, что ты — человек»: о становлении категории «личность» в трудах Мосса и Боэция

Любопытно, как Боэций обосновывает применение и изобретение терминологии (а Боэций — автор не менее половины латинской философской терминологии, которая до сих пор в ходу). В современной науке термины и система логической аргументации являются основанием универсальности науки, ее принципиальной открытости любому разумному субъекту. Каждый (потенциально) может усвоить определения, доказательство и вывод; все люди, совершенно разные во всех других отношениях, могут достичь согласия относительно того, что квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов. Но для Боэция термин — это не носитель универсального содержания, а шифр, обращенный к немногим, а то и персонально к Симмаху: «...ведь я обращаюсь к тебе одному» [Боэций, 1990в: 146]. Боэций использует краткий, сжатый слог и терминологию не из-за требований придерживаться научного стиля изложения, позволяющего читателю без помех уяснить суть дела, а по совершенно иным основаниям: «...пусть только мне и тебе, если обратишь ты когда-нибудь свой взор к этим строкам, будет понятен их смысл. Тем самым мы избавимся от лишних читателей: не в силах понять здесь что-либо, они покажут себя недостойными подобного чтения» [там же].

* * *

Последний раздел этой статьи — только набросок, показывающий, что для понимания того, что такое личность у Боэция, необходимо анализировать не только то, как представлена концепция личности в его логических рассуждениях, но и то, как тема личности и отношения личностей раскрываются в художественных образах, построении текста, таких рамочных конструкциях, как посвящение или заключение. Разумеется, чтобы представить во всей полноте концепцию личности Боэция и объяснить, почему она оказывала и продолжает оказывать такое влияние на последующее понимание личности, нужно было бы проанализировать, как тема личности раскрывается в «Утешении Философией» — и в художественном слое этого произведения, и в излагаемых здесь различных философских концепциях вроде учения о свободе воли. Также следовало бы проанализировать коммуникативную направленность в других трудах Боэция. В частности, у него есть такой эксперимент — две редакции «Комментариев к Порфирию», одна из них имеет форму диалога, другая изложена в трактатной форме. Это позволило бы сопоставить, как общение влияет на ход размышления и чем оно отличается от размышления, изложенного в режиме монолога. Но это уже задача для более широкого исследования.

“Remember that You are a Human Being”: On the Formation of the Category of the Personality in the Works of Mauss and Boethius

Konstantin V. Bandurovskiy

PhD in Philosophy, Fellow of the Lotman Institute of Slavic Studies and Russian Culture.

Ruhr University.

150 GB University Str., Bochum 44801, Germany.

ORCID: 0009-0008-4072-3437

albutius@gmail.com

Abstract. The concept of personality may seem intuitively clear, but it is not easy to define or explain. It is often considered a transcultural and transhistorical universality. However, Marcel Mauss demonstrates that different cultures have varying understandings of what an individual represents. Boethius' definition is considered an important turning point, but how did he arrive at such a definition, and why did it have such a significant impact? Although many researchers have attempted to answer this question, no definitive answer has been found. This article aims to approach an answer by combining two perspectives: historical and philosophical analysis of ideas and textual analysis. That is, on the one hand, the article shows how the concept of personality arose during Christological and Trinitarian disputes. However, the resulting concept appears abstract, logically inconsistent, and not very applicable to humans. On the other hand, the article analyzes Boethius' texts, their communicative and dialogical direction towards the Other and towards oneself in the face of the Other. It is here that the concept takes on flesh: as Boethius not only explains the concept of personality but also demonstrates how it works.

Key words: individual, subject, personality, Trinitarian disputes, Christological disputes, dialogue, substance, nature, anthropology, theology.

For citation: Bandurovskiy K.V. “Remember that You are a Human Being”: On the Formation of the Category of the Personality in the Works of Mauss and Boethius // *Chelovek*. 2023. Vol. 34, N 6. P. 120–141. DOI: 10.31857/S023620070029307-4

Литература/References

Бозэций. Каким образом Троица есть единый Бог, а не три божества / пер. с лат. Т.Ю. Бородай // *Бозэций*. «Утешение Философией» и другие трактаты. М.: Наука, 1990а.

Boethius. Kakim obrazom Troitsa est' edinyi Bog, a ne tri bozhestva [How the Trinity is One God, Not Three Gods], transl. from Latin by T.Yu. Boroday. Boethius. “*Uteshenie Filosofiei*” i drugie traktaty [“Consolation of Philosophy” and Other Treatises]. Moscow: Nauka Publ., 1990a.

К.В. Бандуровский
«Вспомни, что ты — человек»: о становлении категории «личность» в трудах Мосса и Бозэция

- Полибий*. Всеобщая история: в 3 т. / пер. с греч. Ф.Г. Мищенко. Т. 2. СПб.: Наука, 2005.
- Polibii. *Vseobshchaya istoriya: v 3 t.* [Universal History: in 3 vol.], transl. from Greek by F.G. Mishchenko. Vol. 2. St. Petersburg: Nauka Publ., 2005.
- Сага Тристрама и Исонды / пер. со старонорв. С.И. Неделеяевой-Степонавичене // Легенда о Тристане и Изольде / подг. А.Д. Михайлов. М.: Наука, 1976.
- Saga Tristrama i Isondy [Saga of Tristram and Isonda], transl. from Old Norse by S.I. Nedelyaeva-Steponavichene. *Legenda o Tristane i Izol'de* [Legend of Tristan and Isolde], ed. by A.D. Mikhailov. Moscow: Nauka Publ., 1976.
- Arlig A. The Metaphysics of Individuals in the *Opuscula Sacra*. *The Cambridge Companion to Boethius*, ed. by J. Marenbon. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 129–154.
- Benedict R. *Patterns of Culture*. Boston; New York: Houghton, Mifflin and Company, 1934.
- Benedict R. *Zuni Mythology*: in 2 vol. New York: Columbia University Press, 1935.
- Radin P. *Primitive Man as Philosopher*, with a foreword by J. Dewey. New York; London: D. Appleton & Co., 1927.
- Radin P. *The Trickster*. London: Routledge & Kegan Paul, 1956.

К.В. Бандуровский
«Вспомни, что ты — человек»: о становлении категории «личность» в трудах Мосса и Боэция